
ФАКУЛЬТЕТ ЗЕЛЬЕВАРЕНИЯ
ЯДОВИТАЯ ПРАКТИКА

Анастасия Брунс

Факультет Зельеварения. Ядовитая практика

«Автор»
2026

Брунс А.

Факультет Зельеварения. Ядовитая практика / А. Брунс — «Автор», 2026

Какие неожиданности может преподнести судьба? Один вечер стал для меня по-настоящему роковым. Спасение жизни, знакомство с офицером, хорошее направление на практику и... И я втянулась во тьму крови и смертельных ядов, неизвестных современной классификации. Расследование заводит раз за разом в тупики, а цена каждой не распутанной загадки — чья-то жизнь.

© Брунс А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Анастасия Брунс
Факультет Зельеварения. Ядовитая практика

Глава 1

Позади три курса в академии магии — и вот она, долгожданная практика! Я столько о ней мечтала, столько раз представляла, как наконец-то смогу по-настоящему применить знания, отточить мастерство, создать что-то по-настоящему сложное… А теперь эти мечты рассыпались в мелкую, горькую пыль.Три года на специальности «Зельеварение», экзамены на высшие баллы — всё это, казалось, должно было открыть передо мной двери в мир настоящей алхимии. А вместо этого мне доверяют мыть склянки да варить банальные отвары от головной боли и настойки от похмелья. Даже смешно. Или, скорее, горько.Страшно даже представить, что досталось остальным ребятам из группы, если моё место в одном из корпусов королевской лаборатории считается чуть ли не премиальным. Наверное, не стоит жаловаться… Но я всё-таки пожалуюсь. Как мне развивать свой талант в таких условиях? Как оттачивать мастерство, если меня держат на самой окраине настоящей работы, словно я не одна из лучших студенток потока, а случайная помощница, которая ничего совсем не понимает в зельеварении?Ответ кураторов всегда один и тот же, короткий и безжалостный: «Смотри внимательно и не мешайся под ногами». И в этих словах столько холодной окончательности, что они оседают где-то внутри тяжёлым осадком.Сегодня восьмой день практики. Мой энтузиазм уже третий день медленно тонет где-то на самом дне, и с каждым днём его становится всё труднее разглядеть. Вначале я хоть как-то надеялась, что во мне смогут разглядеть будущего зельевара, специалиста… Но теперь всё предельно ясно: вот раковина, вот гора склянок, вот моё место — у края, в тени, где не видно ни искры настоящего дела. А я-то, глупая, ещё и заявление на удлинённую практику подавала… И преддипломную тоже придётся проводить в этой дыре.Энтузиазм не просто утонул — он теперь бурит себе нору на дне, пытаясь спрятаться от реальности. Но делать нечего. Я завязала волосы, стараясь не думать о том, как нелепо это выглядит, будто я собираюсь варить великий эликсир, а не отмывать чужие колбы. Подошла к самому дальнему и сломанному шкафчику, достала свои «инструменты»: маску, намагниченные перчатки, щётку, чистящие средства. Вот и весь арсенал одного из лучших зельеваров потока.Грустно вздохнув, я побрела к месту отработки. Гора немытых склянок возвышалась передо мной, словно неприступная крепость. Ничего. Справлюсь. Натянула маску, перчатки и взялась за работу.Один за другим в лабораторию приходили сотрудники. Многие не обращали на меня внимания, и я перестала пытаться наладить контакт. Очевидно, что здесь я — нежеланный гость. И придётся терпеть это полтора месяца.Почему ко мне такое отношение? Причина ясна: зельевары не хотели брать практикантов, но их заставили. Отсюда и пренебрежительное отношение.Впрочем, не все здесь враждебны. Есть те, кто относится ко мне нейтрально или даже с пониманием. Например, Адам и Леви — молодые специалисты с двух- и четырёхлетним стажем работы в лаборатории. А ещё Василена — женщина с неиссякаемым оптимизмом, хоть и без особых талантов к зельеварению. Она выполняет роль помощника и отличается добродушием.Сначала я удивилась, узнав, что не всех устраивает её присутствие. Но вскоре поняла: дело не в Василене, а в атмосфере лаборатории. Здесь многие прячут свои истинные чувства за маской равнодушия и даже какого-то тщеславия. И с этим ничего не поделаешь.Через полсотни склянок мне молча подбросили ещё столько же. Без единого слова, без намёка на объяснение — просто поставили рядом новую гору стекла. В такие моменты внутри всё сжимается, и на язык

просится горькая колкость, но я тут же прикусываю его. Возражать нельзя: мне предельно ясно дали понять, что практику могут и не засчитать. Заведение солидное, репутация безупречная, а я, выходит, со своими обязанностями не справляюсь. И пусть это несправедливо — спорить себе дороже.Перерыв. Наконец-то можно выдохнуть. Я вышла прогуляться у сада при лаборатории — среди зелени и цветов воздух будто становился чище, а тяжесть на плечах хоть немного спадала. Но время летело предательски быстро, и вскоре снова придётся вернуться к склянкам.У входа в здание меня подловили Адам и Леви — оба, как всегда, с улыбками на лицах. При виде них уголки губ сами потянулись вверх, но улыбка вышла неискренней, измученной, словно натянутой на усталое лицо.— Тебе так и не дали никаких поручений, кроме мытья склянок и простейших отваров? — вздохнув, с искренним сожалением спросил Леви.Я молча кивнула и тоже вздохнула — так же тяжело, так же горько.— Грустно всё это, — пробормотала я, опуская взгляд на свои перепачканные перчатки, — Думала, к третьему курсу уже буду не посуду драить, а формулы выверять, составы балансировать… А тут…На моих плечах оказались тёплые руки Адама. Он принялся мягко разминать напряжённые мышцы, будто стараясь выгнать из них всю накопившуюся тяжесть. Наклонившись чуть ближе, он заговорщически понизил голос, и в его глазах вспыхнул тот самый неугасимый огонёк, за который я его уже ценила:— Вот и пусть, — прошептал он, чуть усмехнувшись, — Эти пижоны с профессорскими званиями ещё пожалеют, что когда-то презирали и обижали такую звёздочку. Знаешь, что я думаю? Надо срочно вытряхнуть из тебя эту лабораторию хотя бы на пару часов. Как насчёт паба? После работы мы с Леви за тобой заедем, а? Ну что скажешь?Адам убрал руки, выпрямился и встал между мной и Леви, словно хотел разом прикрыть нас обоих от всей этой холодной, равнодушной суеты лаборатории. Его глаза горели, будто он уже видел не эти серые стены, а уютный полумрак паба, где можно просто выдохнуть и побыть собой.Мне так нравилось видеть его таким — неунывающим, заряженным, будто у него внутри был собственный маленький солнечный механизм. Иногда казалось, что Адам просто физически не способен быть грустным: даже в самых мрачных коридорах лаборатории он умудрялся оставаться лучиком света.— Идея прекрасная, — поддержал его Леви и, не сдержавшись, чуть приобнял Адама рядом, но тут же спохватился, одёрнул руку и, слегка покраснев, поспешно добавил: — В смысле… ну, ты поняла. В общем, соглашайся, Агнес. Тебе правда нужно хоть немного отвлечься.Я слабо улыбнулась — на этот раз не измученно, а почти искренне. В груди шевельнулось что-то похожее на надежду: может, и правда хватит сегодня думать о склянках, отчётах и чужих холодных взглядах.Было забавно наблюдать за этой лабораторной хореографией: все старательно делают вид, что сосредоточены исключительно на зельях и формулах, будто чувства здесь испаряются быстрее, чем летучие реагенты. В лаборатории порицаются любые отношения между сотрудниками: считается, что они мешают концентрации. И отчасти это правда.Однажды я стала свидетельницей того, как одна из специалисток, проработавшая тут чуть больше года, засмотрелась на Карла. Её противоядие уже готовилось к побегу из котелка — буквально в паре секунд от катастрофы. Я успела вмешаться, добавить последний ингредиент, удержать состав… А в ответ не услышала даже простого «спасибо». Только резкое: «Не лезь не в свои дела!» от мадам, и ещё десяток нелицеприятных фраз от самого Карла.Адам тогда за меня заступился. Тихо, без пафоса, но твёрдо — так, что Карл на мгновение даже растерялся. Я была ему невероятно благодарна, хотя и не сказала этого вслух: слова благодарности у меня всегда застревают где-то посередине фразы, словно слишком личные, слишком уязвимые. С тех пор насмешки и придирки Карла стали почти обыденностью. Удивительно, как быстро привыкаешь к неприятному фону, будто к запаху старого реагента, который сначала режет нос, а потом перестаёшь замечать.Карл здесь вроде местной звезды. В этом корпусе лаборатории всего четыре молодые девушки, включая меня. И все, кроме меня, строят этому блондину глазки. Он же старательно делает вид, что не замечает — хотя «старательно» тут едва ли подходящее слово. Стоит только отвернуться, как на его лице мелькает ехидная ухмылка,

едва уловимая, но отчётливо самодовольная. Девочки с розовыми очками не видят ни этой ухмылки, ни того, что за ней стоит. А я не понимаю, зачем им это. Да, он симпатичный. Неглупый, с чувством юмора. Но вместе с этим в нём столько нарциссизма, столько чувства собственного превосходства, столько поверхностности — будто он сам себя варит по упрощённой формуле, без сложных ингредиентов, но определенно разливает себя же в красивую колбу… И вот этого-то они как раз и не замечают.— Ауу, Агнес, — протянул Адам и провёл ладонью перед моими глазами, возвращая меня из размышлений в реальность, — Ты где вообще?— Да, я согласна. Идея хорошая, — быстро ответила я, чувствуя, как начинают предательски краснеть щёки.Я всегда так: стоит только задуматься о чём-то слишком глубоко — о людях, о мотивах, о несправедливости, — и тут же ловлю себя на том, что выгляжу отстранённой, странной. И от этого становится не столько неловко, сколько… глупо.Адам, впрочем, не замечал этого моего внутреннего смятения — или делал вид, что не замечает, деликатно не заостряя внимания.— Отлично, — улыбнулся он, чуть наклонив голову, — Значит, после смены заедем за тобой. Ты только не пропадай в своих мыслях до того момента, ладно?Я слабо кивнула, стараясь удержать эту простую, тёплую улыбку на лице. Дружба у нас пока хрупкая, едва наметившаяся — мы знакомы совсем недолго, и каждый жест поддержки ощущается как что-то ценное, будто редкий ингредиент, который боишься расплескать. И пусть я привыкла опираться только на логику и расчёты, сейчас мне было приятно знать, что есть люди, которые не станут тыкать в твою неловкость, а просто протянут руку — или предложат сбежать на пару часов из этой лаборатории.Парни разошлись по своим отделам, а я направилась в свой — прямиком к «любимой» (совсем нет) раковине, где гора склянок успела заметно подрасти. Снова принялась мыть, протирать, попутно размышляя, что же в них было и почему сегодня их столько. В голове сами собой складывались гипотезы: то ли кто-то неудачно сварил сложный состав, то ли это своеобразная проверка на выносливость — мол, посмотрим, сколько выдержит практикантка.В помещение тихо скользнула Луиза. Не проронив ни слова, она лишь чуть склонила голову — своеобразный, почти незаметный жест приветствия. Я ответила тем же, и она тут же поспешила скрыться, будто боялась задержаться хоть на мгновение. Потом пришёл профессор Хельб — он демонстративно делал вид, что меня не существует. Взял нужное количество склянок и так же молча ушёл. Атмосфера здесь была выстроена так, что молчание порой звучало громче крика.А потом появился Карл. Я как раз домывала последние сосуды, когда он с нарочитым грохотом поставил ещё десяток на железный поднос рядом.— Чего ты как черепаха возишься? — прошипел он с недовольством, скрестив руки на груди.Я не повернулась. Спокойно выключила воду, тщательно вытерла перчатки и сняла их, будто каждое движение было частью продуманного ритуала, который помогал удержать самообладание.— Я с кем разговариваю? — чуть громче бросил блондин, явно раздражаясь от моего молчания.Но я по-прежнему не замечала его. Взяла высохшие склянки и начала расставлять их по местам в шкафчиках — ровно, методично, будто это был мой маленький акт сопротивления хаосу.Внезапно послышались резкие шаги, и меня резко схватили за локоть. От неожиданности последний сосуд выскользнул из пальцев и разбился с оглушительным звоном.— Криворукая! — со злобой прошипел Карл, метнув взгляд на осколки.— Убирай, — спокойно произнесла я, глядя прямо перед собой, — Я разбила её из-за тебя.Он хмыкнул, но я даже не дрогнула. Пожала плечами и посмотрела на него с тем самым безразличием, которое стоило мне немалых усилий. Внутри всё кипело, пальцы сжимались в кулаки, но внешне я оставалась собранной. Очень хотелось его ударить, но я умела постоять за себя иначе. Достоинство не в том, чтобы отвечать грубостью на грубость, а в том, чтобы не опускаться до чужой манеры общения.— Сама уберёшь. На вопросы отвечать надо! — он шагнул ближе, вжимая меня в стену, и понизил голос до угрожающего шёпота, — И поторапливайся. Поняла?— Я поняла лишь одно, — я мягко, почти небрежно положила ладони ему на грудь и чуть подтолкнула, не грубо, но достаточно твёрдо, чтобы он отступил на полшага, — Что ты сам всё уберёшь. И что всё, на что ты способен — это зажимать девушку

в подсобке, пользуясь тем, что за неё некому заступиться. Интересно, кто же тебя так сильно обидел, что ты теперь срываешься на тех, кто физически слабее?Его лицо исказилось от ярости — глаза потемнели, скулы напряглись. На мгновение мне стало по-настоящему страшно: в этом гневе было что-то неуправляемое. ФИзически-то точно сильнее был… И явно не высоких моральных принципов паренек. Но страх лишь подстегнул решимость. Плевать! Накипело. За эту неделю его высокомерные взгляды, едкие замечания и демонстративное пренебрежение успели выесть изнутри всю ту хрупкую уверенность, с которой я пришла на практику.— А вот и зубки… — процедил он, криво усмехнувшись, но в этой усмешке уже не было прежней уверенности.Карл резко отступил, взмахнул рукой — осколки сами собой взлетели и устремились в урну, подчиняясь магии, которую он так любил выставлять напоказ. Затем молча взял несколько чистых склянок, развернулся и ушёл, громко хлопнув дверью. Звук этот прокатился по лаборатории, словно финальный аккорд в неприятной сцене.Я осталась стоять, чувствуя, как дрожат пальцы, но не от страха — от выплеснутого напряжения. Медленно выдохнула и опустила плечи. Да, возможно, завтра он придумает для меня новую пакость. Возможно, будет ещё хуже. Но сегодня я не позволила ему сломать меня. И этого было достаточно.Невольно мысли снова вернулись к Карлу и его магии. Он всегда делал всё нарочито эффектно — взмахивал рукой, будто выступал на сцене, привлекая взгляды. Но в этом показном блеске мне чудилась пустота. Насколько силён его дар? Вряд ли по-настоящему силён. Скорее, дар чуть более проявлен, чем у меня — достаточно, чтобы впечатлять тех, кто не разбирается в тонкостях.Я опустилась на колени и внимательно осмотрела место, куда упала склянка. Ни мелких осколков, ни даже пыли — всё исчезло без следа, подчиняясь его заклинанию. А у меня так не выходило: сколько ни пыталась, после моих попыток оставались мельчайшие частицы, и приходилось домывать губкой. В этом и была разница: не в силе, а в концентрации и детализации построения магических потоков. Мне не хватало той самой филигранности, которая превращает заклинание из грубого инструмента в тонкий инструмент мастера.Однажды в академии я видела, как профессор Соверелл одним плавным движением руки убрал осколки от разбитого панорамного стекла в теплице. Вот это был уровень — чистота, лёгкость, абсолютная точность. Это был высший класс бытовой магии из всех, что мне доводилось видеть. И глядя на это, я отчётливо понимала, сколько ещё предстоит учиться, чтобы приблизиться к такому мастерству.Закончив с мытьём, я быстро отыскала своего куратора. Обычно Тизел почти не замечал меня: в конце дня, когда я докладывала, что склянки вымыты, а отвары готовы, он лишь кивал и бросал привычное: «Иди домой, не мешайся». Но сегодня всё было иначе. Время едва перевалило за полдень, а куратор выглядел так, будто провёл в лаборатории не одну смену подряд. Его плечи были опущены, в глазах читалась глубокая усталость — такая, что пробивала даже его привычную отстранённость.— Хорошо, ступай домой, Агнес, — спокойно проговорил он, глядя на меня усталыми глазами, — Завтра можешь прийти на полчаса позже. Ты и так приходишь слишком рано.— Спасибо… Вам точно не нужна помощь? Вы выглядите очень уставшим, — не удержалась я.Он вдруг улыбнулся. Впервые за все восемь дней практики. Эта улыбка вышла неяркой, едва заметной, но от неё в груди что-то тихо шевельнулось.— Да, ты могла бы помочь, — кивнул он, — Принеси мне по три пучка полыни и чертополоха из пятой кладовой. А потом — домой.Я кивнула и тут же направилась к кладовой, стараясь не выдать своего неожиданного воодушевления. Наконец-то мне доверили хоть что-то, выходящее за рамки бесконечного мытья посуды.По дороге я невольно сопоставляла всё, что успела заметить: людей, которые забегали за склянками, остатки зелий, их составы, специфику корпуса. И постепенно картина складывалась. Противоядия. Разные, сложные, требующие точности и скорости. Этим сегодня и была занята лаборатория. Жаль, что у ребят не спросить — они работали в других отделах. Адам готовил отвары от мелких недугов, Леви помогал с лекарственными эликсирами — это далеко от работы с противоядиями. Да и сотрудники разных отделов почти не общались друг с другом: каждый держался своей ниши, своего круга зада-

ч.Быстро отыскав нужные травы, я вернулась и протянула их профессору. Он одобрительно кивнул — коротко, без лишних слов, но этого хватило.— Спасибо, Агнес. Теперь иди отдыхай.Я снова кивнула, стараясь удержать внутри это тихое чувство удовлетворения. Не триумф, не восторг — просто спокойное осознание, что я сделала что-то полезное. И пусть это были всего лишь травы, а не сложное зелье, сегодня я не была просто «той самой практиканткой у раковины».Выйдя на улицу, я глубоко вдохнула свежий воздух, позволяя усталости немного отступить. День выдался непростым, но в нём появилось что-то новое — намёк на то, что эта лаборатория может стать не только местом испытаний, но и местом, где я наконец-то смогу научиться чему-то по-настоящему важному… Или же это снова пустые надежды.

***

Вечером за мной, как и договаривались, заехали ребята. Особо наряжаться я не стала: надела платье бордового цвета с приспущенными плечами. А волосы заплела в простую, почти небрежную косу, закрепив ее лентой в цвет платья. Ах да, нужно не забыть палантин — вдруг станет прохладно и решим прогуляться. Но ребята… я с ними знакома восемь дней, а я уже чувствую, что они уже стали так мне близки!

Адам и Леви вышли из кареты, открыли дверь и встали по обе стороны, слегка склонившись.

— Вы обворожительны, леди Агнес, — произнес Адам с церемонной учтивостью, вызвав у меня одновременно смех и смущение.

Я приняла помощь парней и села первая в повозку, поправляя платье. Они сели напротив меня, довольно пристально разглядывая. Мне же под таким взглядом стало немного неуютно. Будем говорить честно: я не пользуюсь популярностью у мужчин. У меня нет уродств, я слежу за собой, но пока что у меня в приоритете другое: учеба и желание найти хорошую работу по любимой специальности. И пока остальные девушки позволяют себе свободные вечера проводить за прогулками, походами в спектакли и на ярмарки, то я… А я вот одна из лучших на потоке. Всегда учусь. Я иду к своей цели.

Возможно, такое рвение связано и с тем, что я осталась одна. Мои родители умерли при несчастном случае 7 лет назад. И пусть у меня остались другие родственники, которые никогда не откажут мне в помощи — я хочу всего добиться сама. Потому что усвоила после этого случая урок: после нас останется лишь гранитный кусок с именем и годами жизни… А то, чем мы эти года наполним — зависит лишь от нас. И то, будут ли о нас помнить — тоже зависит далеко не от других. Нужно принести пользу. Нужно добиваться целей. Иначе итогом жизни будет кусок гранита, который будет иметь значение только для близких тебе людей…

— Эй, Агнес! Чего раскисла? — снова подметили ребята перемену в моём настроении.

Я натянула улыбку — не ту, что рождается сама собой, а ту, которую приходится лепить по кусочкам, будто склеивая треснувшую склянку. Не хотелось вываливать на них всё: и стычку с Карлом, и эту глухую усталость, и странное чувство, будто я топчусь на месте, пока мир вокруг стремительно движется вперёд.

— Всё хорошо, задумалась просто. Сегодня так много готовили зелий… Намного больше, чем обычно, и…

Меня грубо, но без злости прервали: Леви прижал ладонь к моему рту, не давая договорить, и тут же смягчил этот резкий жест тёплой улыбкой.

— Наша милая Агнес… пожалуйста, давай не о работе. Мы понимаем, что пока это единственное, что нас с тобой объединяет. Но мы хотим узнать тебя лучше, чтобы нас связывало что-то большее, чем одинаковые халаты и расписание смен. Например, эта вылазка в паб. Пусть она будет про крутые воспоминания, про то, как мы становимся друзьями, а не просто коллегами. Договорились?

Он убрал руку и посмотрел на меня с таким искренним ожиданием, что стало неловко за свою привычку всё сводить к задачам, срокам и составам. Адам молча наблюдал, чуть наклонив

голову, будто считывал не слова, а то, что прячется между ними. Он ждал моего ответа и в этом внимании было что-то удивительное для меня.

— Да, конечно, — быстро согласилась я, слегка опустив взгляд, а потом снова подняла его, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, — Простите, ребята. Действительно, не стоит сейчас говорить о работе.

— Вот и умница, — улыбнулся Адам и откинулся на спинку сиденья, раскинув руки так, словно хотел обнять весь этот вечер целиком, — Вы как хотите, а я сегодня буду в ноль. Просто выдохну, забуду про графики, отчёты и срочные составы.

Леви рассмеялся — громко, заразительно, и я невольно подхватила этот смех. Он звучал как что-то правильное, как редкий ингредиент, который вдруг идеально вписался в сложный рецепт.

Адам… Я знала его так мало, но в нём будто умещалось сразу несколько людей: тот, кто заступится за тебя в лаборатории; тот, кто предложит сбежать в паб; и тот, кто с лёгкостью скажет, что хочет просто «быть в ноль», будто сбрасывая с плеч груз. И в этой его бесконечной энергии было что-то завораживающее.

В голове сама собой всплыла статистика, которую я когда-то вычитала в одном научном журнале: чаще всего самые весёлые на публике люди — самые грустные внутри. И тут же захотелось отогнать эту мысль, как назойливого духа, который норовит испортить хороший момент. «Надеюсь, он в эти данные не входит», — подумала я, глядя на то, как Адам что-то весело рассказывает Леви, размахивая руками. Пусть его лёгкость будет настоящей, пусть в ней не прячется боль, которую он просто научился прятать за улыбкой.

Мы вышли на одной из «молодёжных» улиц города — здесь всегда кипела жизнь: толпы людей, смех, музыка, ощущение, будто весь город решил одновременно отпраздновать что-то хорошее. Я не пожалела, что прихватила с собой палантин: вечерний воздух был прохладным, а короткая прогулка только добавила этому вечеру какой-то особенной остроты.

Всё вокруг завораживало. Уличные музыканты выводили мелодии, от которых хотелось то ли танцевать, то ли просто стоять и слушать, забыв обо всём. Танцоры кружились в свете фонарей, будто сами были частью этого света. Молодёжь повсюду наслаждалась жизнью — легко, свободно, без оглядки на завтрашние списки дел… и лабораторные отчёты. На мгновение меня накрыла тихая грусть. Может, я и правда многое упускаю, так упорно следуя своей цели? Может, в погоне за мастерством теряю что-то важное — то, что нельзя измерить в граммах или градусах кипения?

— Сегодня с приходом темноты будет шоу огней. Если что, можем потом выйти и посмотреть, — прервал мои размышления Леви и мягко взял меня под локоть, словно хотел не просто удержать рядом, а будто бы слегка заземлить, вернуть в этот вечер.

С другой стороны то же самое сделал Адам — и ребята тут же переглянулись, будто без слов договорились: сегодня Агнес не должна ни о чём переживать и уходить в себя. В этом жесте было столько непринуждённой заботы, что внутри что-то тихо потеплело.

— Агнес, а ты часто отдыхаешь с друзьями? — спросил Леви, чуть наклонив голову, будто ему действительно было важно услышать ответ, а не просто заполнить паузу.

— Нет, не часто. Да и друзей у меня… раз-два и обчёлся, — ответила я почти машинально, привычно оправдывая свою замкнутость. Но тут же добавила, стараясь звучать увереннее: — Но мне так комфортнее. Я люблю проводить время за изучением зелий, мне это по душе. Это не одиночество, это… свой ритм.

Адам на секунду замер, будто прислушивался не к словам, а к тому, что за ними прячется. А потом улыбнулся — широко, искренне, и в этой улыбке не было ни осуждения, ни желания переделать меня.

— А теперь тебе придётся выходить чаще, наша милая Агнес, — заявил он с той самой уверенностью, которая почему-то не раздражала, а, наоборот, внушала странное спокойствие

и некую благодарность, — Потому что нас не получится променять на книги. Мы слишком хороши, чтобы нас игнорировали.

От этих слов стало приятно — и немного возмутительно, как бывает, когда кто-то без спроса врывается в твою привычную картину мира и вдруг делает её ярче. Я едва заметно улыбнулась, чувствуя, как напряжение, копившееся в лаборатории, понемногу отпускает.

Вскоре мы дошли до паба. Нас проводили за столик в углу — тихое, укромное место, где не нужно было перекрикивать шум и где можно было спокойно поговорить. Думаю, ребята именно на это и рассчитывали: они хотели узнать меня получше, не спеша, без суеты, слой за слоем снимая эту привычную броню из «я занята», «мне надо учиться», «у меня нет времени».

Я села, расправила палантин, огляделась. Тёплый свет ламп, приглушённые голоса, запах свежего хлеба и пряных трав — всё это было таким непривычным, почти чужим, но отчего-то очень уютным. И впервые за долгое время я подумала: может, в этом и есть баланс — не отказываться от своего пути, но позволять себе иногда с него сходить, чтобы просто побыть среди людей, которые хотят быть рядом.

Мы заказали закуски, потом выпивку, а потом ещё и ещё — вечер будто сам собой набирал обороты. Смех лился рекой, разговоры сплетались в причудливый узор: от забавных историй из академии до нелепых случаев в лаборатории, от споров о самых бесполезных ингредиентах до мечтаний о зельях, которые могли бы изменить мир. Адам не умолкал ни на минуту — шутил, рассказывал, заражая всех своим неукротимым весельем. Я смеялась так, что, наверное, на утро живот будет ныть от напряжения, а лицо — помнить каждую улыбку.

В какой-то момент я встала и направилась в уборную. Остановившись перед зеркалом, замерла, едва узнавая собственное отражение. Широкая, почти беспечная улыбка, розовые от лёгкого опьянения щёки, чуть растрепавшиеся волосы, и в глазах то самое выражение, которое я давно не видела: ни напряжённого расчёта, ни холодной сосредоточенности, ни привычной готовности к очередной проверке. Просто девушка, которая позволила себе выдохнуть. Мне даже понравилось это отражение — такое живое, настоящее, без брони из обязанностей и целей. Нужно запомнить его. Запечатлеть где-то внутри, как редкий, почти неуловимый ингредиент, который потом можно будет мысленно доставать в тяжёлые дни.

Ведь через два месяца начнётся четвёртый курс, и я снова уйду с головой в книги, формулы, составы. Пусть Адам и уверяет, что они смогут вытащить меня из этой раковины — я себя знаю. Цель для меня всегда будет на первом месте. Но сегодня… сегодня можно было просто быть.

Выйдя из уборной, я всё ещё пребывала в этом странном, лёгком состоянии. Мысли о будущем затворничестве не смогли пробиться сквозь весёлую, раскрепощённую ясность, которая сейчас царила в голове. Или, точнее, сквозь её очаровательные остатки.

Проходя мимо столиков, я невольно подслушала чужой разговор: мужчина явно собирался порвать с девушкой, и та всё поняла — тут же сорвалась в истерику. Мне всегда было неловко наблюдать за чужими драмами в людных местах, но я напомнила себе, что это их история, их боль, их право на эмоции. Быстро прошла мимо и плюхнулась на своё место, будто возвращаясь в свой маленький уютный мир.

Леви тут же протянул мне очередной стаканчик, но я мягко покачала головой и улыбнулась:

— Нет, ребят, сейчас я пас. Лучше возьму кусочек сыра.

Адам, уже заметно захмелевший, произнёс какой-то путаный, но невероятно трогательный тост — о дружбе, о том, что даже в самой мрачной лаборатории всегда найдётся место для света, и о том, что мы обязательно станем легендой этого корпуса. Я тихо рассмеялась, а потом, наклонившись к Леви, прошептала на ухо:

— Думаю, нам потихоньку пора закругляться.

Он понимающе кивнул, будто услышал не слова, а то, что стояло за ними. Допил свой напиток, и тут же потянулся к Адаму, словно нуждался в этом прикосновении, в этой тихой поддержке.

Под влиянием алкоголя и вне стен королевской лаборатории ребята перестали прятать свои чувства: взгляды становились откровеннее, объятия — крепче, короткие поцелуи — смелее. Это смущало меня, заставляло щёки гореть, но в то же время наполняло какой-то тихой радостью. Я была счастлива за них — за эту возможность хоть на несколько часов быть собой, не оглядываясь на чужие мнения и правила. И я ни за что не стала бы нарушать этот момент своим смущением. Пусть они будут собой. Пусть этот вечер станет для них тем самым редким ингредиентом, который придаёт жизни вкус.

Я откинулась на спинку стула, наблюдая за ними с лёгкой улыбкой. В груди разливалось странное, но приятное тепло — не от алкоголя, а от осознания, что, возможно, дружба — это тоже своего рода зелье. Сложное, многослойное, требующее правильных пропорций, но если всё сделать верно, оно способно исцелять даже те раны, о которых ты сам не подозреваешь.

Приятная музыка и шум голосов в зале прервал резкий крик и глухой звук падения. Мужчина, мимо столика которого я совсем недавно проходила, упал и схватился за горло, будто в удушье. К нему просились сотрудники, пытаясь что-то сделать, а потом я увидела, как из его рта начала идти пена зеленоватого оттенка… Его отравили!

Я вскочила с диванчика, задрала немного платье и рванула к нему, взяв со стола ложку. Официант уже пытался отодвинуть ему язык, но делал это неумело. А нас учили оказывать первую помощь в таких случаях, поэтому я справилась быстрее.

— Вылейте содержимое его бокала на белую салфетку и подожгите! Немедленно! — приказала я, удерживая голову мужчины.

Сотрудники без промедления выполнили команду. От салфетки, пропитанной янтарным алкоголем, остался бирюзовый пепел. Я не могу точно определить яд, но это что-то из простейших.

— Чертополох или шалфей, спирт! Срочно принесите одно из этих растений! Мы можем спасти его до приезда врачей! — снова приказала я.

Услышала, как повар начал говорить о том, что шалфея очень мало и сейчас он очень дорогой… Но на него кто-то громогласно гаркнул и в моих руках очень быстро оказались нужные травы. Руки тряслись, но мыслила я холодно, структурно.

Я подложила немного шалфея под язык пострадавшему, а Леви, сидевшему рядом, коротко и чётко скомандовала:

— Сделай надрез на его ключице. Быстро.

Леви на мгновение замер — он был не сильно, но всё же пьян, и любая неточность сейчас могла стоить мужчине жизни. Но в его глазах мелькнуло понимание: выбирать не приходилось. Счёт шёл на минуты, и он сделал всё, как нужно — чётко, без лишних движений, будто алкоголь вмиг выветрился из головы.

Я плеснула на руки спирт и, не теряя ни секунды, растерла в ладонях шалфей — нужно было выжать из травы хоть немного сока. Ладонь с травами я прижала к кровоточащей ране, стараясь удержать давление ровно, без суеты. Паника здесь была худшим союзником: она туманит разум, сбивает расчёты, заставляет ошибаться. А я привыкла полагаться на знания, а не на эмоции.

Леви теперь держал ложку и фиксировал голову пострадавшего, помогая удерживать нужное положение. Его пальцы чуть дрожали, но хватка была уверенной: он понимал, что сейчас от его собранности зависит не меньше, чем от моих действий.

Вскоре в паб ворвались врачи. Я коротко, без лишних деталей, выложила всё, что успела заметить: симптомы, время ухудшения состояния, возможные источники яда. Они тут же вко-

лоли пострадавшему настойку трав — ту самую, которая в таких случаях могла стать разницей между жизнью и смертью.

Когда мужчину уносили, в пабе раздались аплодисменты. Хлопали всем залом — мне, растрепанной, с зелёной пеной на подоле платья, Леви, который вмиг стал собранным и серьёзным, будто и не было никакого веселья пару минут назад. В этом мгновении было что-то странное: смесь облегчения, гордости и нелепости, будто мы только что выиграли невидимую битву, стоя посреди обычного паба.

Но следом пришли стражи — кто-то на крики и суету вызвал их. Хозяин паба тут же начал объяснять ситуацию, размахивая руками, пытаясь одновременно оправдаться и показать, что он тут ни при чём. Ко мне подошёл мужчина с длинной, неестественно белой косой. В его осанке чувствовалась выправка, а в взгляде — привычка замечать каждую мелочь.

— Офицер Нейт Овезли, — склонив голову в едва заметном кивке, произнёс он, и в его тоне прозвучало не столько уважение, сколько холодное любопытство, — Расскажите, что случилось в пабе и как вы узнали, что за яд был подмешан пострадавшему господину?

В его вопросе сквозило подозрение — не враждебное, но настороженное. Для него я была не героиней, а частью головоломки, которую нужно разобрать на детали. Или даже подозреваемой…

Я чуть сжала пальцы, стараясь унять лёгкую дрожь, и ответила, подбирая слова так, чтобы в них не было ни бравады, ни лишней скромности:

— Я учусь на зельевара. Так что господину очень повезло, что мы оказались в пабе. Мы смогли сопоставить признаки с отравлением простейшим ядом — и действовать, пока симптомы не стали необратимыми.

Голос звучал ровно, почти сухо — так, как я всегда говорила о составах и реакциях. В нём не было желания произвести впечатление; только констатация фактов, выстроенная, как формула: причина — следствие — решение.

Офицер чуть прищурился, будто пытаясь разглядеть за этой сдержанностью что-то ещё.

— Простейшим, значит… — протянул он, словно пробуя фразу на вкус, — И что же заставило вас так уверенно действовать?

Я едва заметно пожала плечами, стараясь не выдать, как сильно колотится сердце.

— Уверенность — это роскошь, которую я себе позволить не могу. Зато у меня есть знания. И опыт, пусть и не такой большой, как хотелось бы. Этого хватило, чтобы понять: если не сделать всё правильно сейчас, потом может не настать.

Он помолчал ещё мгновение, а потом едва заметно кивнул, будто принял мой ответ, хотя и не до конца поверил в эту внешнюю невозмутимость.

— Вы действовали быстро. Это важно. Но впредь, если заметите что-то подобное, сразу вызывайте специальные службы. Самостоятельные действия могут быть опасны… для всех.

Я не стала спорить. В его словах была своя правда — и своя бюрократическая логика, с которой спорить бесполезно. Вместо этого я просто кивнула:

— Приму к сведению, офицер.

В этот момент я осознала: несмотря на всю свою прагматичность и привычку всё просчитывать, мне было важно не остаться одной. Я посмотрела на Адама и Леви, которые оживленно беседовали. Как только прибыли врачи, Леви сразу же бросился к нему… А я осталась на месте, описывая симптомы медикам.

Офицер по-прежнему смотрел на меня своими неестественно жёлтыми глазами. В них не было ни тепла, ни холодности, лишь спокойная, почти механическая сосредоточенность. И тут до меня дошло: он — потомок василисков. Редчайшая кровь, почти легенда: их осталось так мало, что я и не надеялась когдалибо встретить представителя этой расы. А главное — они безошибочно распознавали ложь. Вот почему он так внимательно меня изучал: не из подозрительности, а по самой своей природе.

— От имени стражи благодарим вас за содействие порядку и за исполнение своих гражданских обязанностей, — произнёс он наконец, и лёгкая улыбка тронула его губы, обнажив едва заметные, но явно острые клыки, — Возможно, только изза ваших стараний господин добрался до больницы живым.

Я улыбнулась в ответ, но взгляд невольно задержался на его лице — на этой странной, почти хищной красоте, в которой не было ничего человеческого. В голове мелькнула отстранённая мысль: как странно устроена магия природы — она даёт такую силу, но взамен лишает чегото простого, обыденного, тёплого.

— Овезли?! — раздался рядом изумлённый голос Адама. — Магическая стража… Ты посмотри!

Улыбка офицера тут же изменилась. Из формальной она стала настоящей, тёплой, почти мальчишеской. Они с Адамом по-дружески обнялись, заговорили, перебивая друг друга, смеясь, будто забыли обо всём на свете, и обо мне в том числе.

А я стояла чуть в стороне, неловко переминаясь с ноги на ногу. С офицерами стражи я говорить не привыкла: их манера держаться, эта врождённая способность видеть сквозь слова, заставляла меня внутренне сжиматься. Я предпочитала опираться на факты, формулы, чёткие алгоритмы,а не на зыбкое поле чужих эмоций и подозрений. Поэтому я потихоньку начала отходить в сторону, стараясь не привлекать внимания.

Но в последний момент меня мягко, но твёрдо удержала рука василиска.

— А вот и ваша милая Агнес? — медленно перевёл он взгляд на меня и снова улыбнулся, на этот раз чуть мягче, без официального лоска, — Та самая героиня ночи и твоих рассказов.

Я сдержала усмешку. Наверняка многие девушки теряли рассудок от этого взгляда и улыбки — в них была та самая магнетическая сила, которая не просила разрешения, а просто брала. Но не я. Слишком уж будничной, слишком «лабораторной» была эта сцена для романтических вздохов: паб, разбитый стакан, запах спирта и трав, усталые лица, суета.

— Она! — Адам широко развёл руками, будто демонстрировал редкий экспонат, — Такой талант пропадает… Я бы и сейчас не догадался, что того мужика отравили. Даже симптомов не заметил.

— Ты сейчас и ворону от воробья не отличишь, — хмыкнул Овезли, отпуская мою руку, но взгляд его снова стал внимательным, изучающим, — А чего же талант пропадает? — продолжил он, чуть наклонив голову, — Ты говорил, Агнес практику в лаборатории проходит. Наверняка там найдётся дело по её уму и таланту. Не только склянки.

Адам хотел было чтото возразить, но замер, поймав мой взгляд. В нём читалось тихое, но твёрдое «не надо». Я не нуждалась в чужих похвалах, чтобы верить в свою ценность, и не хотела, чтобы меня выставляли напоказ, словно диковинку.

— Практика — это не только про талант, — спокойно произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без вызова, но и без лишней скромности, — Это про терпение, про умение видеть мелочи, про дисциплину. И про готовность делать даже то, что кажется незначительным. Склянки тоже нужно мыть. Без чистоты не бывает точности.

Овезли чуть приподнял бровь — не насмешливо, а с искренним интересом.

— Прагматично, — протянул он, — И честно. Мне нравится такой подход.

Он помолчал мгновение, будто взвешивая чтото внутри себя, а потом кивнул, будто принял какоето решение.

— Если вдруг столкнётесь с чемто похожим снова — не действуйте в одиночку. Сообщите страже. Даже самый точный расчёт не заменит поддержки.

Я кивнула, не споря. В его словах была своя логика — та самая, которую я уважала: не подавлять инициативу, а направлять её, не обесценивать знания, а дополнять их структурой и порядком.

— Приму к сведению, офицер, — ответила я сдержанно, но в глубине души почувствовала странное, почти непривычное удовлетворение: меня не отчитали, не похвалили излишне, а восприняли всерьёз. Как равную — пусть пока и с оговорками.

Адам снова чтото весело пробормотал, Леви подошёл, тихо спросил, всё ли со мной в порядке, а я просто стояла и слушала этот тихий, суетливый, но такой живой гул вечера. И понимала: пусть я по натуре замкнута, пусть предпочитаю книги и формулы шумным компаниям — сегодня я была здесь, в центре этой суеты, и сделала то, что должна была. Без пафоса, без героизма, просто по делу. И этого было достаточно.

Я тихо попросила отвезти меня домой. Пусть я и спасла человеку жизнь, а может, именно поэтому, чувствовала себя совершенно разбитой. Платье внизу противно липло к ногам, будто напоминало о каждой неловкой секунде этой ночи, а в голове клубилась спутанная паутина мыслей: обрывки симптомов, формулы противоядий, тяжёлый взгляд офицера, аплодисменты, которые теперь звучали в ушах не как похвала, а как шум, мешающий думать.

Ребята не стали спорить. Адам только коротко кивнул, будто сразу понял, что мне нужно не утешение, а тишина, а Леви мягко сказал:

— Конечно, Агнес. Поедем. Тебе надо просто выдохнуть.

Хозяин паба, пока мы собирались, подошёл с тёплым, немного взволнованным видом и обрадовал нас: посиделка была за счёт заведения — в знак благодарности за спасение гостя и, как я понимаю, репутации. Мне и Леви вручили по бутылке вина, а мне ещё и протянули небольшую коробку с пирожными — аккуратно перевязанную лентой, словно это был не просто десерт, а маленький знак признательности.

— Возьмите, возьмите, — торопливо проговорил хозяин, чуть краснея, — Пусть хоть что-то хорошее останется от этой ночи.

Я кивнула, принимая подарок, и сжала коробку чуть крепче, чем нужно, будто она могла удержать меня, не дать рассыпаться на части прямо здесь, посреди всё ещё гудящего паба.

В экипаже было тихо. Адам пытался шутить, чтобы развеять напряжение, но даже его привычная бодрость сейчас звучала как-то осторожно, будто он боялся задеть что-то хрупкое. Леви смотрел в окно, время от времени бросая на меня короткие, внимательные взгляды — просто чтобы убедиться, что я здесь, что со мной всё в порядке.

Когда мы остановились возле моего дома, я вышла, прижимая к себе коробку с пирожными.

— Спасибо, что подвезли, — проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Мы бы ещё посидели, если бы ты хотела, — тихо сказал Адам, чуть наклонив голову.

— Хочу тишины, — честно призналась я.

— Тогда отдыхай. А завтра… завтра мы просто попьём чай и не будем ни о чём серьёзном. Договорились?

Я кивнула.

— Договорились.

Поднявшись к себе, я скинула надоевшее платье, накинула тёплый халат и села на край кровати, поставив коробку с пирожными рядом. Открыла её — внутри лежали аккуратные, румяные пирожные, пахнущие ванилью и корицей. Я взяла одно, откусила, и вдруг почувствовала, как напряжение понемногу отпускает, уступая место простой, почти детской радости от чего-то вкусного и уютного.

Да, стресс хотелось заесть. Но не потому, что я искала утешения в сладком, а потому, что это был понятный, осязаемый способ вернуть себе контроль: вот пирожное, вот глоток воды, вот тишина за окном. Маленькие, простые действия, которые помогали собрать себя заново.

Я смотрела в тёмное окно и думала, что, возможно, быть прагматичной — это не только про формулы и расчёты. Иногда это ещё и про умение вовремя сказать «я устала», про способность принять чужую благодарность и не чувствовать себя неловко, про то, чтобы позво-

лить себе просто посидеть в тишине и съесть пирожное — без чувства вины, без оглядки на завтрашние задачи.

И пусть впереди будет четвёртый курс, новые зелья, новые испытания. Сегодня я сделала более, чем достаточно. Сегодня мне можно просто быть уставшей, и это тоже нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.